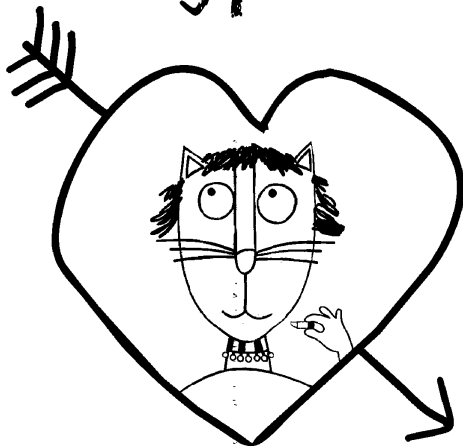

Екатерина **ВИЛЬМОНТ**

Путешествие
ОПТИМИСТКИ,
или Все бабы
дурны

ЖАН
РЫ
АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В46

Подписано в печать 12.08.14. Формат 70х90 ¹/₃₂.
Гарнитура «Академическая». Усл. печ. л. 11,1.
Доп.тираж экз. Заказ №

Вильмонт, Екатерина Николаевна

В46 Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры: [роман] /
Екатерина Вильмонт. — Москва: АСТ, 2014. — 300, [4] с.

ISBN 978-5-17-055637-3

Оформление обложки *дизайн-студия «Графит»*

Екатерина Вильмонт — писатель лирический. Ее героиня Кира Мурашова отправляется в Израиль повидать дочь и неожиданно встречает человека, которого не видела двадцать лет. Когда-то их отношения длились всего два дня... Он и теперь убеждает героиню в своей любви, но стоит ли верить этим словам?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Е. Н. Вильмонт, 2000

© Оформление.ООО «Издательство АСТ»

Посвящается Антону Иванову

Я — несокрушимая оптимистка. И не то чтобы жизнь очень уж баловала меня, нет, хватало всякого, и страшного, и муторно-тяжелого, словом, все как у людей, но, видимо, оптимизм — это что-то биологическое! Как бы паршиво ни было, я всегда знаю — все пройдет, обойдется, все будет хорошо, и, как ни странно, очень часто оказываюсь права. Надо заметить, что с годами, а мне уже сильно за сорок, у меня замужня дочь, оптимизм мой не убывает, а даже наоборот. И десять лет перестройки ничуть меня не сломили, хотя порой бывало ой как туго! Но все будет хорошо, поверьте мне!

Вот и у меня мало-помалу все наладилось (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!), и на днях я лечу в Тель-Авив, где уже два года живет моя дочка, в неполных восемнадцать лет выскочившая замуж и махнувшая с мужем в Израиль. Я растила ее одна, мы с нею были очень близки, и вдруг это дитя любви выкинуло такой фортель! Может, она боялась, как мама, остаться одна, без мужа?

Когда я вышла за ворота посольства с визой в паспорте, меня охватило такое нетерпение, что хоть головой о стенку бейся! И ведь даже поделиться не с кем! Три часа дня, все подруги на работе! Позвонить, что ли, Юре? Но

он вряд ли меня поймет, да и не люблю я звонить ему на работу, в его кабинете вечно кто-то есть, и он говорит со мною приветливо-вежливым голосом, как с посторонней. Что же делать, куда девать себя в этом состоянии? Билет! Нет, за билетом я пойду завтра с самого утра, так меня научили. Подарки! Ну конечно, мне же надо купить кучу подарков. И Дашке (это моя дочка), и друзьям, которых у меня в Израиле не так уж мало. Пока не было визы, я из суеверия ничего не покупала. Ведь нам, советским людям, все кажется, что нас обязательно куда-то не пустят, откажут, не дадут. К черту эти стародавние комплексы! Меня пустили, я еду к дочке, и не куда-нибудь, а в землю обетованную, и буду в марте купаться в Средиземном море, увижу чудеса Израиля, поеду в Иерусалим, поклонюсь Гробу Господню, и вообще... Ура!

Я понеслась по магазинам, а внутри меня все пело. Я еду! Я целый месяц проведу с Дашкой! Ведь мы два года не виделись. Одну десятую ее жизни, с ума сойти! Но еще несколько дней — и мы будем вместе! Только бы достать билет! Как же теперь дожить до утра?

Часов в семь, еле живая, я притащилась домой и рухнула на диван. До чего же меня утомляют магазины! Раньше они утомляли пустотой и очередями, а теперь — проблемой выбора и жуткими ценами. Но черт с ними, зато я почти все купила. Кажется, осталось купить только сало — наши правоверные евреи на исторической родине изнывают без сала, — но это в последний день. Боже мой, скорее, скорее, просто нет сил терпеть!

К счастью, начал трезвонить телефон, все хотели знать, как у меня дела с визой, когда я лечу и т. д.

А в девять наконец-то пришла моя подруга Алевтина, с которой мы дружим с детства, жить друг без друга не можем, и так случилось, что в последние годы даже живем в одном доме. Вот уж с нею я отвела душеньку! Вывалила на нее все свое нетерпение, все мечтания и восторги!

— Да, чуть не забыла! — воскликнула вдруг Алевтина, хватаясь за очередную сигарету. — Васька (это ее дочь Василиса) купила Дашке в подарок роскошный халат, вернее пеньюар, синий, в цвет глаз. Красотища!

— Поцелуй от меня Ваську, когда увидишь!

— Да, она еще сказала, если будут сложности с проводами, она тебя отвезет.

— Ой, как хорошо, а то я так не люблю просить Юрика. Может, он, конечно, сам предложит, тогда другое дело.

— Вообще-то мог бы. Но если не проводит, не вздумай привозить ему подарки, а то я тебя знаю, рассусолишься — ах, бедный, он всей этой красоты не видит, ах, как жалко, ах, ох... Небось на обратном пути только и будешь думать, что бы ему такое вкусенькое приготовить.

— Да ладно тебе про обратный путь, я еще и туда-то не знаю, когда улечу.

— Слушай, а подарки? Ты хоть что-нибудь уже купила?

— Да почти все!

— Ох, а мне еще Любашке надо что-нибудь подыскать! Ладно, давай показывай свои покупки.

...Наутро моего оптимизма еще прибыло. Билет я купила как белая женщина — без очереди, без блата, без переплаты и даже без хамства. Какое там! Меня в агентстве усадили, спросили, куда хочу лететь, когда, на какой срок и т. д. Уже через 10 минут я вышла оттуда с билетом и совершенно счастливая. Как мало иной раз нужно для счастья — не обхамили и дали то, что требовалось. А еще говорят, у нас ничего не изменилось!

Итак, через три дня я лечу! Скорее домой, собирать вещи! За три дня? Да, я люблю все делать заранее. На вокзал я всегда приезжаю, когда поезда еще и в помине нет. Но, по-моему, лучше подождать на вокзале, чем сломя голову нестись за поездом. Как-то, знаете ли, спокойнее. И к приходу гостей я тоже готовлюсь заранее. Они приходят — все уже на столе, я сама при полном параде, и им приятно, и мне тоже. А то, бывает, придешь в гости и тебя тут же отправляют на кухню резать салат. Брр! И потом, в спешке непременно что-нибудь да забудешь.

Наконец все готово, вещи собраны, и сегодня ночью — ура! — я улетаю. Провожает меня конечно же Васька. Юрий Петрович, как всегда, ужасно занят. Ну да Бог с ним, после того как Дашин отец бросил меня, я уже не жду от мужчин ничего, рассчитываю только на себя и друзей. Говорят, мы живы любовью. Да ничего подобного. Мы живы только дружбой. Разве можно рассчитывать на любовника? Ни в коем случае! А на друга? Железно! Мой собственный любовник всегда готов прийти на помощь своей подруге, а мне — нет. Может, все дело в том, что подруга — это нечто легальное? А может,

ему просто лень и он прекрасно знает, что я и без него обойдусь?

Но меня опять занесло. И так, через полчаса, если все будет нормально, не спустит колесо, не застрянет лифт и т. п., мы выезжаем. Алевтина, разумеется, едет меня провожать. «Чтобы Ваське не скучно было возвращаться одной» — так объяснила она эту сентиментальную акцию. Она вообще жертвенная натура, моя Алевтина.

Звонит телефон. Я хватаю трубку. Юра.

— Кирочка, — бархатным голосом произносит он, — я хочу еще раз пожелать тебе счастливой поездки.

— Это откуда же ты звонишь в одиннадцать вечера? — ехидно интересуюсь я. — Неужто из автомата?

— Как же, попретса он ночью к автомату, этот барин! Жди! — ворчит Алевтина.

— Нет, я сейчас один в квартире, — простодушно объясняет мой любимый. — А у тебя там, кажется, кто-то есть? Наверное, Аля?

— Конечно, она меня провожает.

Юра предпочитает не заметить некоторого нажима в моем тоне и как ни в чем не бывало желает мне всего наилучшего.

Вообще-то он меня любит, я знаю, только в меру своих возможностей, которые, увы, не так уж велики. Он немолод, много работает, на меня времени у него остается мало, но когда Дашка уехала и мне было тяжело на первых порах, он очень меня поддерживал, и я ему благодарна.

Я ведь по-своему тоже его люблю, а может, это громко сказано, но так или иначе, а я привязана к нему. Я прощаюсь с ним без обычной нежности, но он, вероятно, списывает это на присутствие Алевтины.

Какое кошмарное слово «накопитель»! И почему нас надо накапливать? Чего ради?

Чтобы не поддаться клаустрофобии, начинаю разглядывать попутчиков. Время позднее, самолеты компании «Эль Аль» летают глубокой ночью, что не слишком удобно, однако, говорят, у них самолеты надежней, а я, честно признаться, побаиваюсь летать. Да и сервис у них якобы невероятный. Что ж, посмотрим! Напротив меня сидит мужчина лет под шестьдесят. Интеллигентное приятное лицо, усталое и доброе. И в то же время есть в этом лице что-то очень мужское, что-то, от чего я вся подбираюсь и лезу в сумочку за пудреницей. Идиотская привычка! Смотрюсь в зеркальце — кошмар! Под глазами круги от бессонных ночей — последние три ночи я совсем не могла спать от нетерпения. Все мои сорок с небольшим хвостиком сразу заметны, хотя обычно я выгляжу моложе своих лет. Но тут же я гордо решаю, что плевать хотела на всех мужиков, хватит, пора и честь знать. Решительно убираю пудреницу. Очень нужно! Небось сейчас явится его супруга. Я так и вижу ее — ухоженная дамочка лет за пятьдесят. Но нет, никакой дамочки. Краем глаза слежу за ним — надо же как-то отвлечься от идеи «накопления». И по выражению его лица я вижу, что он прекраснейшим образом понял все мои манипуля-

ции. И смотрит на меня с затаенной усмешкой и, кажется, с одобрением. Интересно, что он во мне одобряет? Я верчу головой, делая вид, что разглядываю других пассажиров, а сама из-под ресниц разглядываю его. Это же игра! Что ж, недурное начало путешествия. Он хоть и сидит, видно, что высокий. Широкие плечи и густые темно-седые волосы. Глаза светлые, серо-голубые, и какая-то в них искорка, которой — ей-богу же! — не было пять минут назад. Подумать только! Я вновь подбираюсь и быстро достаю из сумки газету — так удобнее за ним наблюдать. Старая дура, говорю я себе. Но ведь это же интересно, сама себе отвечаю я. Он тоже пристально смотрит на меня, без всяких уловок. Похоже, я ему приглянулась, хотя вид у меня, по-моему, жуткий. Честно признаюсь, он мне тоже нравится... И тут объявляют посадку. Все моментально сбиваются в кучу, и я теряю его из виду. Несколько шагов по какой-то трубе, и вот я уже в самолете. Улыбающиеся стюардессы рассаживают пассажиров. Ага, вот и мое место. С ума сойти — он уже сидит у окна. В голове у меня проносится, что, с одной стороны, это хорошо, а с другой — не очень. Я рассчитывала немного поспать и мысленно подготовиться к встрече с Дашей, а теперь не больно-то поспишь рядом с таким. Вдруг я во сне открою рот и вид у меня будет глупейший или, не дай бог, начну храпеть! Вот ужас-то! Нет, придется взять себя в руки и не спать. Ничего, отоплюсь на том свете! Он с милой улыбкой — ах, какая улыбка! — предлагает мне сесть к окну, если я хочу. Я великодушно отказываюсь. Очень надо! Ночью все равно ни черта не увидишь, а выбираться придется через

него, если приспичит. Глаза у него смеются, такое впечатление, что он читает мои мысли. Сажусь, сразу пристегиваю ремень. Он тут же обращается ко мне:

— Давайте знакомиться, как-никак нам вместе лететь больше трех часов. Викентий Болеславович Корблинский.

— Кира Кирилловна Мурашова.

— Кира Мурашова? Вы, часом, не художница?

Боже, вот это слава!

— Я художница, но откуда вы меня знаете? Я не так уж знаменита.

— Вы иллюстрируете детские книги?

— Да.

— Я покупаю и читаю книжки своим внукам и всегда обращаю внимание на иллюстрации. И ваши мне ужасно нравятся, в них много юмора, для детских книг это важно.

— И не только. Попробуй у нас прожить без чувства юмора... Но у вас, похоже, с этим все в порядке.

— Да вроде бы... А куда вы направляетесь, в Тель-Авив?

— Да, а вы?

— В Реховот. У меня там сестра. А у вас кто в Тель-Авиве?

— Дочка.

— Боже, сколько же лет вашей дочке?

— Двадцать.

— Не верится что-то. Уж больно вы молодо выглядите.

Врет, подлюга, но приятно!

Тем временем самолет уже начал взлетать. Красивые стюардессы, ни слова не знающие по-русски (идиотизм, неужели в Израиле мало красивых девушек, говорящих по-русски? Или это нарочно делается?), разносят напитки со льдом и орешки. Уже приятно. Вообще, славное начало путешествия — сидишь себе со стаканом ледяного грейпфрутового сока и мило беседуешь с очаровательным спутником, который к тому же знает тебя как художницу. Во сне не приснится! Кстати, сна ни в одном глазу, хотя уже почти два часа ночи. Интересно, кто он такой? Если ТТ, то я пропала. ТТ на нашем с Алевтиной языке означает «тихий технарь». Мы обе уже давно пришли к выводу, что для жизни и любви годятся только тихие технари. Тихий технарь в нашем понимании — умный мужик без художественных претензий. Уж слишком часто мы с нею обжигались на художественной интеллигенции, а посему — да здравствует техническая! К тому же я лично предпочитаю не понимать то, чем мужчина занимается. Так легче поверить в его значительность.

— Простите, а кто вы по профессии?

— Архитектор.

Архитектор? Интересно, это как считается, технарь или нет, ведь архитектор — это почти художник, но, с другой стороны, если архитектор вполне может быть художником, то художник архитектором — нет. Тут нужно еще техническое образование, следовательно, его можно отнести к технарям. Но тихий ли? Впрочем, в его возрасте уж наверное тихий, внучкам книжки читает...

Слово за слово, и мы уже болтаем «не покладая языка», как говаривал мой отец. Такое ощущение, будто мы

знакомы сто лет. Тем временем нам приносят то ли ужин, то ли завтрак, не поймешь. Вкусно и занятно. Мой сосед весьма галантен. Не придерешься. Смотрю на часы — два с лишним часа пролетели совсем незаметно. Надо бы наведаться в хвост самолета. Давно пора. Смотрю на себя в зеркало — ужас! Пудра осыпалась, помада съедена, тон облупился. Ну и рожа! Хорошо бы умыться, но тогда потечет тушь. О, да здесь полно всяких салфеток, можно спокойно протереть лицо и освежиться. Плескаться в лицо водой — аэрофлотовский анахронизм. А тут знай наших! Привожу себя в порядок, но тон решаю не накладывать, а то опять облупится чего доброго. Главное, чтобы глаза блестели, а они, надо заметить, блестят себе! Викентий... Интересно, как его называют — Кеша или Вика? Викентий, Жукентий... Жукентий — это мой обожаемый кот, оставленный с Алевтиной. Наверное, он поляк, — не кот, разумеется, а архитектор.

Возвращаюсь на свое место. Викентий сидит как приклеенный. Надо же, до чего крепкий мочево́й пузырь... А может, у него трудности с мочеиспусканием, да нет, похоже, он вполне хорошо себя чувствует. Господи, что только не лезет в голову бабе в моем возрасте! Особенно хорошие мысли для начала романа... Какого романа, окстись, матушка, тебе ближе всего к пятидесяти, одергиваю сама себя, но ведь теперь все возрастные представления изменились, а почему бы и нет, вон Алевтина уже полтора года пребывает в состоянии жгучего романа, да и у меня самой вроде как роман с Юрой, правда, от этого романа уже пахнет плесенью, ему явно не хватает воздуха. Алевтина утверждает, что я

сама виновата — слишком хорошо его кормлю. «Ясное дело, — говорит она в ответ на мои жалобы, — если так мужика кормить, он только и сможет, что доползти до койки!» Впрочем, я же решила в этой поездке не думать о прошлом. Ого! Я уже отправила Юру в прошлое? Не слишком ли быстро, Кира Кирилловна?

Тут подходит стюардесса с горячими салфетками — с ума сойти! Хорошо, что я стерла тон, а то сейчас имела бы вид! С наслаждением прикладываю салфетку к лицу. Как приятно! Сразу чувствуешь себя освеженной! Теперь раздают бланки деклараций. Лезу в сумку за ручкой. О черт! Ручка потекла, и рука у меня вся черная. Какая гадость! Хорошо еще не на костюм! Викентий ахает и помогает мне вытереть руку, не жалея на это даже своего платка. Подбегает стюардесса, что-то лопочет на иврите, притаскивает кучу салфеток, уносит протекшую ручку и провожает меня к умывальнику. Но где там! Разве эти чернила так отмоешь! Вот незадача. Приеду к дочке с черной лапой. Поделом тебе, голубушка, уж больно ты занеслась! Это чтобы жизнь медом не казалась.

Выхожу и сталкиваюсь с Викентием. Значит, он тоже живой человек. Смущенно улыбнувшись, он скрывается в сортире. Улыбка у него прелестная.

Интересно, спросит он мой телефон в Тель-Авиве, захочет ли увидеться? Если нет, я не расстроюсь, я не расстроюсь, я не расстроюсь.

— Кира Кирилловна, простите мою назойливость, но не могли бы мы встретиться в Тель-Авиве? Мне так понравилось болтать с вами.

Наверное, это можно счесть за комплимент.

— Быть может, вы дадите мне телефон вашей дочери?

— А почему бы и нет?

И я, разумеется, дала ему Дашин телефон.

Наконец объявили посадку. Сердце у меня забилося в нетерпении: еще полчаса, и я увижу Дашку! Викентий с его улыбкой сразу как-то поблек. Вероятно, он понял мое состояние и больше не лез с разговорами. Только когда самолет уже катил по посадочной полосе, он сказал:

— Кира Кирилловна, давайте сейчас попрощаемся, а то в аэропорту будет суета и может выйти какая-нибудь неловкость. Поверьте, мне было необыкновенно приятно с вами познакомиться, и я очень надеюсь на продолжение этого знакомства. Спасибо за приятнейшую беседу, и всего самого лучшего. Позвольте поцеловать вашу руку. Всего вам доброго. Я непременно позвоню.

Какая речь, какое воспитание!

В аэропорту Бен-Гурион все процедуры, пограничные и таможенные, заняли от силы пять минут, это вам не Шереметьево. И вот уже я хватаю с транспортера свои сумки и мчусь в направлении выхода. Черт, вот дура, и почему я не взяла тележку, как все нормальные люди? Сумок у меня четыре, а руки только две. Но тут кто-то вдруг выхватывает у меня сумки. Викентий!

— Кира! Давайте сюда ваши вещи!

Он укладывает мои сумки на свою тележку. Предусмотрительный товарищ!

— Ой, спасибо вам, а то я что-то сдурела!

— Немудрено, — отвечает он.

Интересно, что он имеет в виду? Вдруг я слышу истошный крик:

— Мамочка! Мамуля! Я тут!

Дашка! Она ждет за барьерчиком, прыгая от нетерпения, — моя школа! Ох, какая же она красивая! Я со всех ног кидаюсь к ней, совершенно забыв о вещах и о Викентии. Мы душим друг друга в объятиях. Потом отстраняемся и придирчиво оглядываем друг друга.

— Дашка, как ты похорошела!

— Мамуля, а ты совсем не изменилась. Как же я по тебе соскучилась! Что это у тебя с рукой?

— Кира Кирилловна, вот ваши вещи, — слышу я голос Викентия.

— Ой, спасибо вам! — Мы с Дашкой хватаем сумки с его тележки.

— Всего вам доброго, — говорит он и вежливо удаляется.

— Мамуля, это что, новый хахаль? — интересуется Дашка.

— Да какой там хахаль, просто попутчик.

— А по-моему, он на тебя глаз положил, — определяет с ходу моя дочка. — Наверное, ручка в самолете потекла! — догадывается она. — Ну не беда, отмоем!

— Дарья, а где твой муж? Куда ты его девала?

— Он на неделю уехал на Кипр. Гастроли.

Зять у меня виолончелист. Как здорово, целую неделю мы будем с Дашкой вдвоем. Успеем насладиться друг дружкой.